Иногда тело понимает первым, чего ему нужно прямо сейчас.

Его спина, прижатая к настенному зеркалу, была холодной. Дэниел опёрся о мужчину, который с силой вжимался в него, и откинул голову назад.

Полностью игнорируя любые расчёты и предсказания, тело реагировало первым. Это был поцелуй гораздо более долгий, чем те вдохи, что они успели обменяться между зубами. Щёки горели, будто в них разгорелся лесной пожар.

Алек, словно решив украсть это, вгрызся в губу Дэниела зубами, которые до последнего скрывал, а затем жадно втянул её. Одного этого хватило, чтобы тело Дэниела обмякло, будто превратилось в крем: сила утекла из позвоночника, а разум стал туманно-белым.

Влажное дыхание щекотала кожу. Звук их дыхания был столь же отчётливым, как и возбуждение. Было странно вспоминать, как они только что смотрели друг на друга с ледяной холодностью. Кончик языка и всё, к чему он прикасался, покалывало. Сосредоточив все чувства на Алеке, Дэниел с запозданием понял, что крепко вцепился ему в руку.

Рука Дэниела, так и не дотянувшаяся до его щеки, осталась на груди Алека, отталкивая партнёра, который настойчиво прилип к нему.

Казалось, если он отдаст себя целиком вот так, то полностью потеряет разум, уже трепещущий, как флюгер. Будто инстинктивно чувствуя это, Алек атаковал и пытался сломить Дэниела, словно сопротивляясь, требуя, чтобы тот сдался полностью, без единой оставшейся нити.

Вот что значит пересечь черту. Сначала достаточно игнорировать неприятный тон голоса, затем раздражающий поступок. Но стоит начать пропускать мимо ушей слова и действия, как ты начинаешь считать трату времени и эмоций чем-то несущественным, и, незаметно для себя, уже не можешь понять, какую черту нельзя ему позволить переступить.

Знакомое чувство невесомости поднялось от ступней, словно чёрная рука. Всё, что они сделали, — лишь переместились из коридора в комнату, но расстояние между ними уже значительно сократилось. Падая, они переплелись, словно единое целое.

Сильная хватка Алека не отпускала, обвивая талию Дэниела и притягивая его ещё ближе. Те двое, что ещё недавно обменивались колкостями, стали покорными только после того, как полностью смешали дыхание и языки.

Словно пара богомолов, застывших перед совокуплением, они то сближались, то отталкивались, будто стремясь поглотить друг друга, и в конце концов разъединились лишь спустя три полных шага.

Неужели это были всего лишь их губы? От нижней части тела поднялась горячая волна.

Понимая, к чему это ведёт, Дэниел вздрогнул, словно человек, потерявший тепло тела под внезапным зимним дождём, и попытался отступить, но места не было. Алек, удерживая его, поддержал за плечо правой рукой, обхватил голову и не отпускал.

Их взгляды, встретились.

— .....

— .....

Он теперь чувствовал, что пути назад нет.

Иногда это был детский поцелуй в щёку, а в подростковом возрасте — с ровесником. Иногда — поцелуй с кем-то из индустрии, с кем он встречался тайно.

Но этот был на другом уровне. Было ошеломляюще, как губы, измазанные слюной, словно смазкой, и грубо стёртые, всё ещё болезненно пульсировали. А что насчёт тех зубов, которые, притворяясь безупречными, тлели, как угли?

Всего лишь поцелуй.

Если бы он знал, что это можно списать на ошибку, другой человек тоже бы это понял.

— Я заранее скажу: я могу гораздо больше.

Возможно, именно поэтому слова Алека, произнесённые без паузы, отдавались неожиданно поспешным эхом.

— Причина, по которой я остановился сейчас, в том, что я сдерживался, чтобы не совершить ошибку.

— Какую ещё ошибку?

— Я знаю, это тонкая грань. Между тем, чтобы стать ублюдком, который давит на человека, заставляя продавать своё тело под предлогом спонсорства, или нет.

— .....

— Если собираешься оттолкнуть меня — сделай это сейчас.

Обслюнявив чужие губы, как жвачку, он говорит это теперь.

Но это действительно было идеально вовремя нажатой кнопкой паузы.

Алек был из тех людей, что, если их неосторожно задеть, обязательно увидишь кровь, словно от заусенца. Но если оставить его в покое, однажды обнаружишь, что он уже никуда не исчезает — как мозоль. С ним справиться было труднее всего.

Он казался ребёнком. Знает, что дорогой шоколад, полученный в подарок, нужно смаковать, но взгляд всё равно тянется к нему снова и снова, не поддаваясь контролю.

— Теперь, когда я убедился, что ты порядочный человек, этого достаточно.

Даже если меня тошнит, я хочу проглотить всё до конца. Я хочу попробовать на вкус.

Иногда тело знает и хочет первым. Кто ему нужен прямо сейчас.

Тело, которое притворялось притуплённым и сдержанным, в одно мгновение распалось. Ворот рубашки Алека, который он резко дёрнул, натянулся, и с треском отлетела пуговица.

С ним самим было то же самое. Он был на грани того, чтобы его прижали, как бабочку к белому листу, или выжали, как соты, из которых выдавливают мёд.

Когда колено другого вдавилось между бёдер и прижалось к его члену, по позвоночнику самопроизвольно пробежало напряжение. Резкий вдох, похожий на принятие решения, стал предвестником того, что должно было случиться.

Он колебался прямо перед тем, как броситься вперёд — словно говоря: «разбирай меня, как хочешь», но стоило решению быть принятым, как обнажение стало мгновенным. Они держали друг друга так крепко, что никто не мог вырваться, но в итоге казалось, будто сила первой покинула именно его руки.

Будто всё это время ждал Алек, зарывшись светлыми волосами в затылок Дэниела, заполнив его поле зрения. Губы Алека, скользившие по изгибам тела вниз, издавали влажные, тягучие звуки, проходя по груди и напряжённому прессу, задерживаясь у пупка.

Когда он не смог сдержать стон, мужчина удовлетворённо улыбнулся. А затем, будто решив поиграть с ним, его пальцы, словно змеи, скользнули в его брюки, аккуратно царапнули округлыми ногтями и провели по головке.

— А… нгх…!

Вся кожа там, где касалась рука Алека, была горячей, будто на неё пролили воск. Поток поцелуев и обжигающие укусы следовали один за другим. Алек явно намеревался оставить на нём свои метки, как печать, чтобы забрать их с собой утром.

Тело Дэниела, дёргаясь, как под разрядом тока, всё время пыталось отстраниться, но каждый раз Алек прижимал его суставы, крепко фиксируя, не позволяя сбежать. В голове гремел колокольный звон — будто предупреждение о надвигающемся удовольствии.

— Думаю, я слишком поспешил, проверяя, действительно ли ты порядочный человек.

— Ты, сукин… Ах, нгх…

Нижняя часть его тела, наконец полностью обнажённая, всё ещё пыталась сопротивляться, хотя он понимал, что это бесполезно. Звук одежды, упавшей на пол рядом с кроватью, отчётливо прозвучал в тишине. То, как он брал в рот и облизывал, словно вгрызаясь лишь в рубиново-красные зёрна спелого граната, напоминало зверя, пробующего лакомство.

— Нам… есть о чём поговорить… но, нгх, ха…!

— Есть о чём поговорить?

На нахмуренном лице мелькнула тень веселья. Алек приподнял колени Дэниела и на этот раз начал вести языком вниз, от области лодыжки.

Когда мягкий кончик языка коснулся задней стороны его колена, его член непроизвольно напрягся, а когда Алек прижался щекой к внутренней стороне бедра, кончики пальцев на ногах вспыхнули покалыванием, словно в голове разорвалась цепочка искр.

Его подрагивающий, полностью эрегированный член покраснел и налился жаром, а анус непроизвольно дёрнулся без малейшего чувства приличия. Нефильтрованные проклятия Дэниела вырывались наружу, словно рыдания.

— Попробуй, если сможешь.

— А-а, а…!

Это было бесполезно. Пальцы ног поджимались от удовольствия, которое он чувствовал на кончике головки члена. Они ещё даже не вошли друг в друга, но уже от одного трения их членов выделялся предэякулят, делая всё скользким и влажным.

Его конечности беспорядочно извивались, а сердце билось в неровном ритме. Ощущение было таким, словно на его член нанесли тёплое масло.

Когда он непроизвольно попытался оттолкнуть его, Алек ещё грубее схватил его за запястье и мягко обвёл сосок кончиком языка. Стоны сами вырвались наружу от ощущения, которое было совершенно иным, чем во время поцелуев.

— А-а, нгх, нет…!

— Значит, тебе это нравится, верно?

— Не… трогай мою грудь…!

От этих слов Алек с ещё большей настойчивостью прикусил и сжал его напрягшийся сосок. В его налитых кровью глазах, словно он всю ночь занимался неизвестно чем, не осталось ни капли разума.

От бесконтрольной стимуляции всё его тело то каменело, то содрогалось, будто к нему подключили дефибриллятор. Хоть вокруг и не было света, его зрение то резко вспыхивало, то внезапно темнело. Взгляд этих сине-сияющих глаз был словно лезвие, перемалывающее и разрезающее противника на части.

Это было мучительно. Ощущение было настолько невыносимо приятным, что, если бы он мог, он бы просто начал тереться и кончил. По крайней мере, ему отчаянно хотелось прижать свой член к чему угодно и просто двигаться.

Однако мужчина, решивший «прислушаться» к мольбам Дэниела и не давать ему того, чего он хотел больше всего, был занят тем, что продолжал его мучить, впиваясь зубами, и лишь тёр свой собственный, до нелепости крупный и уже твёрдый член между его ягодицами.

Алек наслаждался стонами Дэниела так, словно слушал оперу в исполнении симфонического оркестра.

— Хватит… меня мучить…… ублюдок, быстрее…

— Быстрее?

— Вставь уже, сукин ты сын…

Когда Дэниел зажмурился и отвернул голову в сторону, Алек крепко схватил его за челюсть и пробормотал:

— Ты только что назвал меня порядочным человеком.

Его разум окончательно рассыпался, как тонущий корабль после крушения.

И пока тело, цеплявшееся за обломки, медленно уходило под поверхность моря, Алек приподнял обмякшее тело Дэниела так, как ему было угодно, и выдохнул ему в губы. Это был

тёплый поцелуй — словно жар от огня. Такая живая, яркая траектория жизни ощущалась до пугающей ясности.

Быть живым — значит существовать в непрерывной линии желания.

Слюна, которую он не успевал сдержать, стекала между губами, которые не совсем смыкались. Запах их кожи был таким сильным, что он не мог удержать свои чувства в равновесии.

Сложенные друг на друга ладони были настолько горячими, что ему на миг показалось, будто он обжёгся, но другой мужчина ещё настойчивее подался вперёд, пытаясь переплести их пальцы, из-за чего он напряг шею. Затем тот, словно по волшебству, это заметил и рассмеялся, впиваясь в него зубами, как в кусок мяса, заставляя понять, что даже если мужчина по имени Алек Уокер выглядит как безупречная военная собака, его истинная природа — всего лишь утончённый зверь.

— Ты ведь уже готов сосать член сукиного сына, верно?

— Угх, нгх… аахк…!

http://bllate.org/book/17841/1739230